

18+

Валентин Колесников
Тайна старинного портрета

Повесть

Валентин Колесников

**Тайна старинного
портрета. Повесть**

«Издательские решения»

Колесников В. А.

Тайна старинного портрета. Повесть / В. А. Колесников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512273-5

В повести рассказано о становлении молодого человека на стыке 20-го и 21-го веков, в окружении непростых событий, преследовавших формирование личности с детства и до студенческих дней учебы в Уфимском Технологическом Авиационном Университете, где герой встречает свою первую любовь...

ISBN 978-5-00-512273-5

© Колесников В. А.
© Издательские решения

Содержание

Тайна старинного портрета	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Глава пятая	14
Глава шестая	16
Глава седьмая	18
Глава восьмая	19
Глава девятая	21
Елена Прекрасная	24
Глава первая	24
Глава вторая	27
Глава третья	32
Глава четвертая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тайна старинного портрета

Повесть

Валентин Альбертович Колесников

© Валентин Альбертович Колесников, 2020

ISBN 978-5-0051-2273-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тайна старинного портрета

Глава первая

Если взобраться на горку, поросшую бархатом трав, да кустами орешника, с восточной стороны Марьяновки и стать лицом к Западу, взору откроются безбрежные просторы залитой солнцем равнины.

Вглядевшись, не трудно увидеть глубокую морщину оврага, рассекающего с Востока на Запад разноцветное, покрывало растительности возделанных полей, и тянувшегося к небольшой возвышенности. Там, в синей дымке, видны утопающие в зелени беленькие домики, там начинается село Марьяновка, в котором расположен совхоз миллионер «Имени Ленина», а обширные поля – это его угодья. И сельское население там живет в достатке, имеет работу и достойную оплату труда.

В синей дали неба, медленно расправив крылья, парит коршун. В нежной прозрачной голубизне простора, над хлебами, разносится песня жаворонков. Их трепетное пение, не смолкая ни на минуту, сливается в общий стрекочущий хор кузнечиков. Южнее оврага виднеется лесополоса. А к северу от Марьяновки темнеют сосновые леса, меж ними зеленеют на солнце поля, небольшие, кажущиеся с блюдце отсюда, озера. Волнистые старицы, сплошь заросшие густой душистой травой. Там в ажурной тени сосен и елей можно встретить серого зайца, в ветвях бесшумно, одетые в рыжие шубки, хозяйничают белки. Нередко на просеке встречается лось, а порой покажется дикий кабан, всегда занятый с деловитой озабоченностью, похрюкивая, роется в земле и суетливо убегает в сторону заросшего камышом небольшого лесного озера.

Среди этих лесов где-то теряется село Дубравка. Домов невидно одна только церковь, соперничая с верхушками сосен, выглядывает круглым куполом с крестом на макушке.

По этой-то церкви и можно определить местоположение Дубравки. В селе насчитывается около четырехсот домов. Дома, в большинстве своем, кирпичные, двухэтажные крытые красной черепицей, глядят из-за зелени приусадебных участков на широкую Центральную улицу, ведущую к площади, куда сходятся еще две Лесная, и Полевая.

Если смотреть на Дубравку сверху, с высоты птичьего полета, то село похоже на лесную поляну с разбросанными белыми, красными и серыми крышами домов. Со всех сторон к нему подступают леса и только южнее, протяженностью километра с два, лесная просека, с бегущей по ней дорогой, отделяет Дубравку от равнины. Эта дорога начинается от Центральной улицы и вливается в шоссе идущее из Киева на Минск. Длинная лесная дорога протяженностью километра с три, весной по ней с трудом пробираются подводы, зато зимой весело бегут лошади в санной упряжке не чувствуя усталости. Шоссе с высоты кажется волнистой серебряной лентой.

Поздняя ночь. Просекой со стороны шоссе идет высокий человек. Места эти видно ему незнакомы или полузабыты. Он часто останавливается настороженно осматривается по сторонам и вновь идет ускоренными торопливыми шагами. Внезапный порыв ветра хлестнул верхушки сосен. Лес ожил, заговорил, заохал приглушенным шепотом. Казалось этого ветру мало, он свирепо ринулся на лес, засвистел злобно в иглах ветвей.

Человек беспокойно завертел головой, остановился, прислушиваясь к порывам ветра. Торопливо натянул на голову капюшон плаща, освещая фонариком дорогу, свернул

на видневшуюся в луче тропинку. Петляя среди столетних сосен, тропинка выводит к селу Дубравка, сокращая путь почти в два раза, подходит с отдаленной стороны к дому

лесничего Митрофанова. В народе прозвали ее «Волчьей тропой». Человек подошел к ограде, опоясывающей огород из остатков колючей проволоки кое-как еще висящей на вби-

тых в землю кольях. Наклонил рукой проволоку, ступил на Митрофанов участок. У самого окна дома приостановился, прислушался. В соседнем дворе, чуя чужого, заливаясь истошным лаем, рвал цепь пес. Потревоженные диким лаем, ему вторили на дальних дворах села собаки. Внезапно лай умолк. Из-за забора послышался голос соседа усмирившего пса. И лишь на отдаленных дворах собачий лай то умолкал, то возобновлялся с новой силой. Однажды потревоженные сторожа жилищ перекликаются порой всю ночь. Постояв немного, человек постучал в окно. В ответ тишина. Незнакомец постучал настойчивее. В доме послышалась возня, вспыхнул свет. На мгновение луч выхватил чисто выбритое лицо в остроконечном обводе капюшона. Оскал белых крепких зубов, показавшихся из-за приподнятых тонких губ. Дверь хлопнула и вслед за этим, мужской голос спросил:

– Кому тут не спится?!

Человек, повернувшись в сторону голоса, ответил:

– Это я! Петро Щусь!

– Нет, не знаю такого!

– Матвей Митрофанов?!

– Ну, так что?

– Волк, не узнаешь?!

Щусь подошел поближе и повернул лицо на свет.

– Ты! Жив?!

– Тише, Волк. И не надо вспоминать старое оно нас не пожалеет.

– Нас ли?!

– Что, сука, забыл, как удирал?! А—а, теперь вот, Матвей Митрофанов в этом украинском селе, под чужим именем и фамилией?! Лесничим пристроился? Не, невыгодно тебе сдавать меня!

– Что ж. Подожди, Щусь.

– Я к твоему сведению Петро Петрович Щурь, учитель. Прибыл в Марьяновку в служебную командировку. Ты, наверное, догадываешься, откуда я прибыл, и кто меня прислал. Это так для ясности.

– Ну, а от меня, что нужно?

– Это уже деловой разговор.

Внезапно скрипнула внутренняя дверь. Щусь поспешил стать в тень.

– Матвей! – послышался женский голос, – Кто там?!

– Это с заповедника, егерь, говорит, что браконьеры появились. Надо идти посмотреть.

– Ты осторожней там. Опасно все-таки!

– Не твое это бабье дело! Иди спать.

Дверь скрипнула, закрылась.

– Ну, вот что! – сказал повелительно Матвей, – Ты, Ангел (кличка) или, как там тебя?

Щурь Петро Петрович, подожди. В дом пускать тебя не стану. Поговорим по дороге, провожать тебя пойду.

Глава вторая

На рассвете ветер утих. Чистое спокойное небо синело в предрассветной мгле над Дубравкой. В комнате, сквозь тюлевые занавески, отгоня сумрак ночи, пробивался призрачный утренний свет. Он падал на стол, где, тикая, стояли на кружевной салфетке часы будильник. Минутная стрелка замерла на цифре 12, а часовая, успела остановиться на цифре 4. Рядом со столом угадывались очертания широкой двуспальной кровати. На ней, утопая в пуховых подушках, лежала молодая девушка с разбросанными вокруг хорошенькой головки каштановыми волосами. Одеяло закрывало до подбородка туловище, скрывая формы фигуры. Внезапно резкий звонок будильника рассек сонную тишину, врываясь в покой дома. Девушка зашевелилась под одеялом, пухлая обнаженная рука потянулась к часам. Будильник умолк. Непривычная тишина воцарилась в спальне, овладела домом. Но уже не сонная тишь ночи, а предутренняя, угадывающаяся в тиканий будильника, в шорохах постели просыпающейся хозяйки.

Алеся поднимается рано, еще до восхода солнца. С первыми его лучами она каждое утро торопится к своим питомцам – соболям. Дорога на звероферму проходит лесом и тянется к обширной вырубке, где длинными рядами стоят клетки с выдвинутыми чуть вперед корытцами кормушек.

Свежий ветерок, каждое утро ласкает, выбившуюся из-под цветастого платка, прядь, гладит румяные щеки. Вот и сегодня, изящным движением тонких пальцев, убирает волосы и быстро ступая, спускается с горки вниз к лесу. Стройные сосны встречают ее приветливым шепотом ветвей. Углубившись несколько десятков шагов в коллонаду стволов, Алеся запрокинула голову к верхушкам. Там уже зарозовели тонкие ветки. Первые солнечные лучи зажгли желтоватую кору на стволах и сплелись в причудливой золотой вязи, играя ажурной светотенью. Просвистела несмело иволга. Где—то невдалеке в ветвях отбил дробь дятел. Отозвалась синица, потом шорох сучьев да трепыхание крыльев птицы наполнило лес. И брызнул многолесьем птичий хор. В этой чирикающей, стрекочущей и свистящей карусели летнего леса вышла на просеку девушка, как дирижер, этого многоголосого лесного хора. Алеся давно заметила, что Лес слушает ее шаги, ее дыхание. Видит ее взгляд и подчиняется ей. Она включает птичий хоровод. Как здорово беззаботно порхать в ветвях синицей, или побыть хоть на мгновение бельчонком, чтобы ощутить ближе ту упоительную красоту и свежесть девственной природы именно так, как чувствуют ее птицы, звери, какой видит ее все живое.

Алеся любит свою работу зверовода. Ей нравится суетливая возня зверьков, их блестящий черный с серебристым отливом мех. Качество меха в прямой зависимости от режима кормления и разнообразия кормов. И, понимая всю ответственность за свой труд, она каждое утро поднимается чуть свет.

За поворотом показалась арка с надписью: «ЗВЕРОФЕРМА».

Ворота уже открыты. У ее участка она заметила звероводов в темно-синих халатах, столпившихся и человека в белом. Сердцем, чувствуя неладное, Алеся ускорила шаг, подошла к кучке людей, которые не сразу обратили внимание на подошедшую девушку. Алеся не понимала, что произошло, только спросила:

– Что?!

На земле лежал с остекленевшими открытыми глазами охранник. Его белый тулуп был перепачкан кровью, крупными пятнами видневшейся на нем. Молодой парень, только недавно демобилизованный солдат из десантных войск лежал головой к конторе с протянутой закончившей рукой. Похоже, из последних сил тянулся к порогу, туда, где была оставленная по неосторожности связь, но так и застыл у клеток со зверьками.

Алеся вздрогнула от неожиданного прикосновения к ее локтю:

– Понимаешь, Алеся, лучшие зверьки, отобранные для аукциона. – говорил сокрушенно человек в белом халате, держа девушку за локоть, – Все как один!..

Он говорил ей еще что—то, но она ничего уже не слышала. Лишь там, в кабинете директора до сознания Алеся донеслось:

– Потравлен весь взрослый приплод лучшей породы соболя! Это примерно на два, а-то и на три миллионов долларов.

Человек в белом халате уже сидел за письменным столом. У стен небольшого кабинета расположились работники зверофермы. Среди них, с заплаканным лицом и выбившимися из—под измятого платка прядями, всхлипывала Алеся, утирая время от времени носовым платком слезы.

– Соболя этой породы конкурентоспособен на международном рынке. И, как отмечалось за последнее время, является лучшим мехом на Лондонском аукционе пушнины. Сами понимаете, что добиться получения таких мехов от зверьков, выращенных в неволе огромный успех не только нашего звероводческого хозяйства, а и вообще в целом по стране. Винить Алеся Михайловну в гибели зверька нет никаких оснований. Корма, которые она закладывала, были хорошими и соответствовали всем требованиям. Так что успокойтесь Алеся. Кто отравил зверька и убил охранника, товарищи из милиции разберутся.

Глава третья

Старший лейтенант СБУ Украины Валерий Смирнов (таким именем его звали на службе) спал в кресле, у себя дома, перед потухшим камином. Огарок свечи, стоявшей в подсвечнике, бросал медные блики на красивое лицо, оживляя тонкие его черты.

Голова, чуть откинута назад, покоится на спинке кресла. Подбородок от этого, резко выдвинут вперед, подчеркивает и без того мужественные черты лица. Правильный греческий нос, росчерк бровей и маленький рот с тонкими чувственными губами, делали его похожим на античного героя из эпоса древних Эллинов.

Свет свечи медленно таял, растворяясь в синем полумраке летнего утра. Четче вырисовывались предметы обставленной комнаты. Это была гостиная, служившая раньше кухней. Комната одноэтажного деревенского домика. Большая печь, переделанная в камин, занимала треть комнаты. Окно, выходящее в садик, смотрит предрассветным светом, падающим в спинку кресла, на черные волосы спящего в нем Валерия. Стены сплошь уставлены книгами от пола до потолка. Большая часть из них представляет труды по теории вероятности, строительству и архитектуре, а также полные собрания классиков отечественных и зарубежных писателей. Комната обставлена в стиле уютной библиотеки. Книги же в некотором роде отражали род занятий Валерия Смирнова по первой его специальности.

Он с отличием закончил факультет архитектуры и строительства Киевского строительного университета, затем аспирантуру по специальности геодезия. Специализировался на строительстве зданий в условиях крайнего севера, на грунтах из вечной мерзлоты в Якутии. Вернувшись из Якутии в свой родной город Киев, стал работать в инженерно—строительном институте города и учился на заочном отделении физико-математического факультета Киевского университета им. Т. Г. Шевченко. Перед окончанием университета он неожиданно для самого себя сделался сотрудником Службы Безопасности Украины. Архитектура отошла на второй план. Теперь под именем Валерия Смирнова числился в списках сотрудников СБУ Украины молодой человек с блестящими способностями математика и аналитическим складом ума. Товарищи, работающие с ним в одном инженерно—строительном институте, знали его под своим настоящим именем. Ему было тридцать два года. Все одноклассники по средней школе и университетам создали давно уже свои семьи. Многие получили хорошие квартиры кто в Киеве в Украине, кто в Минске в Белоруссии, а кто и в Москве. Валерий же по-прежнему проживал в пригородном селе, в доме своей матери, в 28—ми километрах от Киева, если ехать шоссе, ведущему из Киева в Белоруссию, на Брест. Дом он отремонтировал своими руками и обставил, приложив навык архитектора, дизайнера и строителя. Теперь это был не дом, а строение, напоминающее старинный особняк эпохи возрождения. Высокая черепичная крыша и широкие окна придавали схожесть со старинным замком.

Валерий был незаурядным человеком. Его рост достигал ста семидесяти шести сантиметров. Стройная спортивная фигура выдавала в нем человека, тесно дружившего со спортом. Руки сильные, большие с тонкими длинными пальцами. Лицо украшал широкий лоб и тонкие чувственные брови, чуть сдвинутые у переносицы, признак частой задумчивости. У него спокойные серые глаза, сейчас прикрыты веками с длинными ресницами. Глаза, во время работы на строительстве или в лаборатории института, становились суровыми взыскательными и даже колкими в минуты изучения обстановки, вызванной деятельностью в органах госбезопасности. Взгляд Валерия обладал редкой проницательностью. Казалось, он проникает в глубины сокровенных мыслей собеседника и видит то, что тщательно скрывается за ширмой словесности разговора. У него были черные, чуть тронутые сединой волосы. Голос приятный баритон. Никогда не разговаривал громко. Любил острое слово и шутку. Но в кругу близких и друзей слылся человеком неразговорчивым, молчаливым.

Итак, едва забрезжил рассвет, и первые петухи пропели утреннюю зарю просыпавшемуся рано селу, на журнальном столике у книжных полок резко, разрезая сонную тишину дома, зазвонил мобильный телефон. Ранний телефонный звонок, да еще в столь неудобное для разговоров время, звучит как—то неуместно, как—то по-особому тревожно. У спящего в кресле Валерия звонок не вызывал никакого интереса. Голова по-прежнему покоится на спинке кресла, на коленях лежит раскрытая книга, а звонок все настойчивее продолжает трезвонить. В соседней комнате скрипнула пружинами кровать. Вскоре дверь открылась и на пороге показалась полноватая женщина в длинной ночной рубашке. Шлепая тапочками, она приблизилась к телефону, поднесла трубку к уху:

– Алло, кто говорит?! – хриловатый ее голос тонул в тишине комнаты.

– Сынок, сынок – это тебя!

Голос матери разбудил Смирнова. Он повернул голову, раскрыл глаза. Потом резким движением вскочил на ноги, прогоняя остатки сна, и взял трубку из рук матери.

– Смирнов у телефона! – сказал он чистым звучным голосом.

Ему сообщили, что за ним уже выслана машина, и что, через тридцать минут его доставят к полковнику Смолову, начальнику управления.

Глава четвертая

В просторном кабинете за большим письменным столом покрытом зеленым сукном сидит коренастый седой полковник. Над головой на стене портрет Дзержинского, в углу справа от письменного стола стоят старинные часы. От их массивного маятника исходит уютное тиканье. Слева – огромный, в человеческий рост сейф с кнопками электронного кода. В широко распахнутое окно доносится шум городской улицы и медовый аромат расцветшей липы смешанный с выхлопными газами. Часы внезапно зашумели шестеренками механизма и издали короткий мелодичный бой, известивший хозяина кабинета о течении времени. Он оторвал голову от плоского монитора, на котором что—то набирал, посмотрел на стрелки часов, которые показывали половину седьмого утра. Прошло уже половина часа, как полковник, Смолов, отослал за Смирновым служебную машину. В дверь кабинета постучали.

– Да, да, войдите! – сказал он. Дверь распахнулась, в комнату влетел высокий капитан:

– Вызывали! – с порога гаркнул он зычным громким голосом.

– Вот видите, Саковский, преимущества городского места жительства налицо. Вместо того чтобы прибыть через двадцать минут вы прибываете через тридцать. И Смирнов не отстает, вместо того, чтобы стоять у меня в кабинете через полчаса, он явится ..., – но полковник не договорил. В комнату бодрым шагом вошел Смирнов в форме:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

Смолов, вышел из-за стола и размашистым шагом направился к вошедшим:

– Ну, здравствуйте, извините, что пришлось вас потревожить в это воскресное утро. Но происшествие, которое заставило меня срочно приступить к делам, имеет очень серьезное политическое значение. На звероферме совхоза имени Ленина, что возле села Дубравка, отравлена партия соболей особой породы,

выведенного селекционерами совхоза. Ну, да что мы стоим, садитесь, пожалуйста. – Он указал жестом на ряд кресел у стены. Сам же подошел к письменному столу и, взяв папки с делами, роздал для ознакомления.

– Хочу добавить ко всему сказанному, эта партия пушнины должна была быть поставлена по торговому соглашению англичанам, о чем не знал персонал зверофермы. Нарушение этого соглашения повлечет за собой дополнительное эмбарго на поставку со стороны Великобритании сверхточных металлообрабатывающих автоматических центров числовым программным управлением, запрет на долгосрочные кредиты, о чем сегодня мне сообщили, что уже готовится такое уведомление. Но, господа просчитались, молодняк остался и количества зверьков достаточно, хоть и в более поздние сроки

выполнения контракта и погашения штрафных санкций по срокам. Перед нами ставится задача, как обезвредить засланного к нам диверсанта? Рано или поздно господа узнают о провале операции и постараются довести свое коварное дело до конца. Мне и хотелось бы послушать по этому поводу вас.

– Разрешите мне! – подняв правую руку с зажатой между пальцами шариковой ручкой, сказал Саковский.

– Да, пожалуйста, Ваши соображения, капитан?

Глядя в блокнот, где уже успел сделать некоторые записи во время изучения дела, Саковский продолжал:

– Я думаю, что диверсия прошла не без участия местного лица. Первое – это то, что убийство и отравление произошло, когда подойти к ферме, а тем более к клеткам, незнакомцу можно только на ощупь. Второе – отравлено только взрослое потомство, молодняк, как известно, цел, следовательно, преступник не сотрудник зверофермы иначе он бы имел представление обо всех зверьках, но по долгу

службы ему, вероятно, доводилось бывать на ферме, о чем говорит его незаурядная осведомленность о взрослом соболе. Третье – работает он недавно, поскольку соболя этой породы вывели только лишь три года тому, а соглашение подписано всего лишь одиннадцать месяцев тому назад. Отсюда вывод – искать необходимо в Дубравке среди новичков. Я закончил.

– Могу поспорить с тобой, Виктор. – возразил Смирнов.

– Ну—ну, интересно, что у тебя, Валерий? – вопросительно глядя на товарища, оживился Саковский.

– Видишь ли, изучая более внимательно материалы протоколов осмотра места преступления, ты не мог не заметить, конечно, что гибель зверька и охранника произошла примерно в одно и то же время. Согласен.

– Да, я этот момент упустил, поскольку время здесь не играет особой существенной роли. Ведь охранник мог скончаться часом раньше, или часом позже, зависимости от ранения.

– Так вот из заключения медицинской экспертизы бандитский удар нанесен прямо в сердце охраннику и смерть наступила почти мгновенно, и одновременно гибнут зверьки, значит, преступник был не один. И я считаю, что преступление совершено двумя лицами, один из них старожил, я присоединяюсь к сказанному Саковским, что один подолгу службы бывал на ферме, но не столь часто. А вот второй тут уже нужно разобраться или новичок, или гость.

– Ну. И что ты решил, Валерий, кто же второй? – чуть иронически спросил Саковский.

– А ведь Смирнов прав! – вмешался полковник, —Их было двое. Об этом говорят Факты преступления.

В кабинете полковника еще долго обсуждались мельчайшие детали предстоящей операции и только далеко за полдень сотрудники оставили кабинет.

Глава пятая

Лишь только первые лучи летнего солнца коснулись верхушек деревьев, и голосистый горнист иволга мелодичным свистом известила сонный лес о приходе утра, Алеся, гремя ведрами, заботливо обходила клетки молодняка, заполняя кормушки питательным кормом. Зверьки суетливо заметались по клеткам в ожидании своей очереди корма. Девушка ласково обводила глазами зверьков, ждущих с нетерпением корма.

– Ах, вы мои голодненькие! Сейчас, сейчас, Сема, Кузя, потерпите. – Она давала соболям имена и заговаривала с ними, как с понимающими зверьками человеческую речь.

– Мышка, а ты чего такой грустный? – спросила она очередного зверька, озабоченно осматривая крайнюю в ряду клетку. Соболев, забившись в угол, настороженно смотрел пуговками блестящих глаз, не подавая признаков аппетита.

– Ну иди, иди ко мне! – она открыла дверцу, потянулась рукой и взяла теплый комочек не сопротивляющегося соболя, – Пойдем, я тебя отнесу в изолятор, там тебя осмотрит дядя доктор.

Зверек вдруг задрожал.

– Не бойся, это не страшно. – нежно поглаживая, черный с серебристым отливом мех, приговаривала она и осторожно, как ребенка, понесла в сторону домика расположенного возле сетчатой ограды. Шум мотора приближающегося автомобиля к воротам фермы неожиданно привлек внимание девушки. Она остановилась, вслушиваясь в нарастающий гул. Юркий газик показался из лесной просеки и резко затормозил у ворот зверофермы. Из подъехавшего автомобиля вышел председатель совхоза и незнакомый Алесе, рыжебородый, крепко сбитый старик.

– Что это с ним? – озабоченно спросил подошедший председатель, указывая рукой на зверька.

– Что—то у Мишутки пропал аппетит, Петр Иванович. – ответила Алеся и вопросительно взглянула на незнакомца.

– Да! Вот, Алеся Михайловна познакомься наш новый охранник Кузьма Николаевич Носов. Одинокий пенсионер. Решил поселиться у нас.

– Алеся. – протягивая руку, представилась молодая девушка.

– Кузьма Николаевич. —хрипловатым старческим голосом ответил незнакомец и добавил, —Можно просто, дед Кузьма.

– Ну, так Алеся Михайловна, поместить его у нас некуда, так я вот и предлагаю взять Кузьму Николаевича к себе на квартиру. А? Дом у тебя добротный, большой. Живешь одна.

Алеся как—то настороженно вглядывалась в незнакомца. В памяти возникла ужасающая картина убийства молодого охранника. В ушах до сих пор стояли душераздирающие вопли несчастной матери по убитому парню. Дед Кузьма внешне казался спокойным стариком. Он стоял в стороне и уверенными движениями сворачивал самокрутку из клочка газеты. Алеся, помедлив, ответила:

– Хорошо.

– Ну, вот и добре! А теперь едем! – председатель повернулся к новому охраннику.

– Нет, я, пожалуй, останусь. – Неожиданно запротестовал тот, – Ознакомлюсь с хозяйством, да заодно хозяйке помогу.

И он молодецкато подхватил ведра, собираясь к кормоцеху за кормами. Председательский газик, загудев мотором, уже давно скрылся на лесной просеке, а дед Кузьма, торопливо поспевая за Алесей, обходил хозяйство, внимательно слушая хозяйку.

Первым появился техник Вася, работающий в кормоцехе по обслуживанию механизмов приготовления корма для питомцев. Общительный молодой человек. Еще издали, завидев нового сторожа, он громко проговорил:

– Ну, Алеся, давай представь дедулю.

– Знакомьтесь, Кузьма Николаевич это вот наш техник Вася.

– Дед Кузьма, буду тут сторожить вместе с нарядом. – кивая в сторону двух милиционеров, дежуривших теперь постоянно на ферме, ответил новый охранник, – Сутки, через сутки, у меня бессонница, вот и подходит мне эта работа.

– У нас опасно, Кузьмич. – исковеркав имя, проговорил механик, – Твоего предшественника тут знаешь. Теперь ввели милицейскую охрану с оружием, по двое дежурят посуточно.

– Да я уже слышал.

– И не боишься? А, Кузьмич? – ехидно ухмыляясь, продолжал техник.

– Да что бояться? Ты же видишь, что тут по ночам дежурят сотрудники и ничего.

Ну, а теперь я буду, а я ничего не боюсь. – смеясь в бороду, отвечал дед Кузьма.

– Ну, теперь все звери будут целы.

– Здравствуйте, товарищи! – поздоровался мужчина, в сером пиджаке незаметно подошедший к разговаривающим.

– Здравствуйте, Андрей. – Ответила за всех Алеся, — У нас тут захворал Мишутка, пойдемте я вам покажу.

– Алеся, для меня все звери одинаковы, а ты все Мишутка, Сема, Бурка, Мурка.

Ха—ха—ха!

– Ничего смешного.

Алеся с ветврачом Андреем пошли к ветеринарному изолятору. Вася, докурив сигарету, ушел в кормоцех. На просторе двора остался стоять один дед Кузьма, казалось забытый всеми. Он с минуту потоптался на месте, потом неторопливо побрел к огороженному участку с клетками молодняка.

Глава шестая

Поздней ночью в окно Митрофанова дома постучали. Лесник в чем был в том и вышел на крыльцо. В свете, падающем из окна, стоял модно одетый седой мужчина с гладко выбритым лицом, в очках в золотой оправе. В руках он держал черный портфель из дорогой кожи. Матвей в нем не сразу узнал бывшего сотоварища по Магаданской эпопее с побегом, Щуся, приходившего к нему той памятной ночью.

– Ты знаешь, Матвей. – Начал первым Щусь, – А молодняк то жив.

Меряя лесника с ног до головы злыми глазами сквозь стекла золотых очков, процедил пришелец.

– Ты же сам сказал, что элитных. Вот я и показал тебе, где эти клетки. – Начал оправдываться лесник. Но Щусь был неумолим:

– Исправлять ошибку теперь будешь сам!

– Как?! Что молодняк?!

– Да! Космическая съемка показала, что молодняк находится в центре фермы. Там телекамер нет. Они установлены по периметру. Этот юродивый тебя впустит. Ему захочется поговорить. Охрана считает ниже своего достоинства общаться с ним, так что пройдешь. – Щусь или уже Щурь, достал пакет из модного портфеля:

– Здесь билет из Москвы в Канаду, город Квебек. Паспорт с открытой визой на имя некоего гражданина. Выучишь. Там твоя физиономия, только бритая. Деньги, двадцать тысяч долларов. На первое время хватит. Устроишься, вызовешь семью.

– Что я должен сделать? – понимая, что все это не бесплатно, спросил Матвей. Щурь, достал еще один пакет:

– Проникнешь к молодняку, рассыплешь яд по кормушкам. Предварительно устранишь деда Кузьму, чтоб не путался под ногами...

– Ты, в своем уме?!

– Ну, тебе не в первой. Что вспомнил, как мочил паренька охранника!

– Я не о том. А, телекамеры? А милицейский наряд, что охраняет ферму?! Как я их обойду?

Щурь, порывшись в пакете, который все еще держал в руках, извлек оттуда пистолет с глушителем:

– Это тебе на охрану. Запись сотрешь, чтобы не начали подозревать тебя сразу, чтобы была возможность уйти куда подальше. СмoeшьсЯ. Я тебя знаю. Все понял?!

– Понял! Рискованно. Но жить в этой глуши волком невыносимо. Давай пистолет.

Щурь, неторопливо уложил оружие в пакет и передал леснику со словами:

– Особо не торопись. Войдешь в доверие, а там действовать будешь по обстоятельствам.

– Само собой. – Рассматривая пакет, отвечал лесник. Подняв глаза на Щуря, обнаружил пустое место. Щурь, растворился в темноте, как призрак. Невдалеке прошуршала шинами легковая машина. И вновь тишина опустилась на сонное село.

Лес, наполненный тишиной, чернел на фоне ночного неба вычурной вязью верхушек. Собаки в эту летнюю ночь не лаяли.

Матвей, решил, не торопится, продумать все до мелочей. Когда, наступят, настоящие морозы и охрана фермы будет думать больше о тепле, чем о службе, вот тогда можно действовать...

За последние два месяца с момента происшествия в жизни Дубравки больших изменений не произошло, если не считать трех свадеб, нового охранника, принятого на звероферму, да оцетинившейся суки лесничего Митрофанова. Жизнь Алеси текла по-прежнему тихо, и спо-

койно, даже поселившейся квартирант не внес в размеренное ее течение никаких перемен. Но, все, же невидимая атмосфера семейного уюта окутала Алеся. Присутствие деда Кузьмы побуждало к дочерней заботливости, порожденной долгими прожитыми годами без родителей. Они умерли, едва проводив дочь в самостоятельную большую жизнь. Отец любил свою единственную дочь и старался дать ей все материальные блага, не отказывая в любом капризе. Алеся помнит тот случай, когда она, будучи еще школьницей, прибежала домой вся в слезах, из—за того, что подруга пришла в новеньких туфлях, Алеся не смогла купить себе. Отец ездил за покупкой в Киев, потратив на поездку двое суток, но дочь обул, в модные туфельки и она счастливая бежала по осенней размокшей дороге босиком. Потом наспех, обмыв в луже ноги обулась и с гордым видом ступала, стуча высокими каблуками по ступенькам школьного крыльца. Мытье ног в холодной воде не прошло даром, она заболела воспалением легких. Она помнит заплаканное лицо матери и вспухшее от бессонницы лицо отца, склонившегося над ее кроватью. Потом пришло тяжелое выздоровление и еще долго, болея пневмонией легких, она постоянно ощущала тепло и ласку родителей. Отец, заботясь о будущем дочери, решил строить дом. Дочь противилась этому, но отец упрямо настоял на своем и затратив немало сил и энергии отстроил красивый просторный и светлый дом. Они прожили в новом доме счастливо три года, потом случилось несчастье. Отца ужалила на охоте змея, он умер, мать пережить смерть мужа не смогла и вскоре Алеся похоронила и ее. Одиноко и пусто стало в просторном доме. Его стены, казалось, давили своей каменной тяжестью на осиротевшую Алеся. Девушка не могла долго находиться в нем, ее гнало из светлых комнат одиночество. В работе на звероферме она обрела новую семью, в лице сотрудников. Зверьки стали ее заботой, которых она любила, как детей любит мать. И жизнь мало-помалу отвлекла ее от горя утрат. Домой она приходила лишь только на ночь, а весь день и даже в выходные она проводила со своими питомцами. Теперь—же с вселением жильца ей хотелось поскорее прибежать домой, что—то приятное приготовить квартиранту из еды. Но дед Кузьма был странным человеком. Всегда стирал себе сам. Комнату, отведенную ему, убирал самостоятельно и постоянно держал ее на запоре, ключи носил всегда с собой. Алеся, ни под каким-либо предлогом не могла даже краем глаза взглянуть, что же делается там внутри его комнаты. Станным казалось и то, что она ни разу не видела вот уже два месяца своего постояльца. Когда она уходила на работу, он возвращался с ночного дежурства и спал весь день, запершись в своей комнате. Когда она возвращалась домой, он уже был на ферме. Так и шли дни за днями, ничем не нарушая размеренной жизни и одиночества.

Глава седьмая

Зной парил над пшеничным полем. Его прозрачные крылья раскидистой пеленой висели в воздухе, обдавая жаркой лижущей волной всякого, кто осмеливался войти в его владения. Высоко в небе, то, снижаясь, то, замирая на месте серыми живыми комочками жаворонки. Их пение разносится далеко по полям над глубоким оврагом в сторону видневшегося леса и теряется там, вплетаясь в голоса лесных птиц.

Близится полдень. По выгоревшей траве оврага бредет не по сезону одетый дед Кузьма. На нем мешковато сидит ватник. Шапка из заячьего меха топорщится на голове копной слипшейся от пота шерсти. Ноги обуты в кирзовые запыленные сапоги. Нелепый наряд дополняет сумка из грубой парусины, болтающаяся на плече на длинных лямках. Все лицо старика прячется в густой каштановой растительности. Он часто останавливается, переводя дух, ведь годы не те. Песчаные откосы оврага почти лишены растительности, глядели плешинами песка. Старик внимательно осматривает песок. Затем перевел взгляд в раскидистый куст боярышника и, ускоряя шаги, направился туда. Песок в этом месте притоптан. Вглядевшись в следы, старик буркнул под нос:

– Так и есть.

Затем снял сумку, достал из нее саперную лопатку и быстро принялся рыть податливую почву. Вскоре он извлек из ямки упакованную в полиэтиленовый мешок металлическую коробку. Торопливо достал из кармана ватника перочинный нож и вскрыл упаковку. Потом выдвинул позывные. Глаза старика сосредоточенно рассматривают кучку вынутого песка. В глазах отражается блеск палящих лучей солнца и от этого яркого света ресницы почти закрывают, зажмуриваются в маленькие щелки. Он все стучал и стучал, периодически делая паузу между позывными:

– «Я пятый! Я пятый! Прием!»

Наконец в наушниках пропела морзянка:

– «Пятому. Докладывайте!»

Старик энергично передал:

– «Приступил к выполнению задания. Все»

После этого он уложил антенну и наушники в корпус радиации и расстегнув ватник подвесил ее на ремнях к животу. Затем тщательно застегнул пуговицы ватника, одел шапку. Затапав забросанную ямку, медленно побрел обратно по дну оврага в сторону Марьяновки. У конца оврага он взобрался по отлогому склону наверх. И хлебами дошел до дороги, ведущей из Марьяновки в Дубравку, и направился по ней к лесу. В небе пели жаворонки, зной, сжигая оставшиеся зеленые клочки трав, проникал и в лес.

Глава восьмая

В Дубравке заговорили о странном поведении деда Кузьмы. Станным казалось в нем все, по словам, соседки, Алеси, Сенилихи. Сенилиха живет в небольшом каменном доме, рядом с домом Алеси. Их дома отделяет лишь узкая полоска огорода, принадлежащего Алесе, да плетень, принадлежащий Сенилихе. Сенилиха – это прозвище (искаженная фамилия) данное ей за звонкий и писклявый голос, который слышен всюду, где созревает самая зловередная сплетня из повседневной жизни села. Толи в очереди за молоком, то ли в магазине, то ли на молочной ферме, где работает, Прасковья Марковна Синилова, такое было ее настоящее имя, отчество, фамилия. А странным, по словам Сенилихи, было то, что дед Кузьма не чувствовал жары и, что его не грело солнце, и, что по жилам у него текла не кровь, а вода из колодца. Но, на этом познания о Кузьме у Прасковьи Марковны заканчивались и, чтобы их пополнить, она часами простаивала у своего плетня, всматриваясь, в обширный двор Алеси, не выйдет ли, не покажется ли дед на дворе. По такому случаю, она даже мужа пенсионера отправила за себя на ферму. Но, все напрасно, после того жаркого дня, когда дед Кузьма ходил в сельсовет в Марьяновку по вопросам прописки, она так решила, не видела она его уже второй день. Вот и сегодня, любопытная соседка, едва дождавшись, когда муж уйдет на ферму, оделась и выбежала к плетню. Дед как раз в это самое время появился в калитке:

– «Ага, пришел с дежурства! – подумала она, – И сразу в дом. Вот старая бестия!»

Постояв так с минуту, другую, недолго думая, подошла к ограде и высоко задрав юбки, перекинула ногу через плетень и перевалилась на огород Алеси. Юбка, издала жалобный треск рвущейся материи, прочно цепляясь за плетень. Вся тяжесть тела легла на ветхую ограду. Плетень затрещал, покосился, как—то несмело, потом сразу быстро накрыл упавшую в картофельную ботву Сенилиху. Чертыхаясь и выплевывая землю, попавшую в рот от падения, женщина встала, подняв на себе плетень, потом приладила его кое-как на место. Юбка ее спереди была сильно разорвана, обнажая голубую ночную рубашку, видневшуюся сквозь дыру.

– «Назад я не полезу, придется идти через двор Алеси, – подумала она, – а соседке скажу, что гонялась за кабанчиком и затоптала ботву».

Так, успокоив себя, она подошла к дому Алеси. Вот и окно комнаты, в которой остановился квартирант. Сердце заколотилось в груди от чрезмерного любопытства. Поколебавшись, перебарывая страх, тихонько подкралась к окну. Постояла немного и, прислонив ладонь к стеклу, заглянула во внутрь. Лицо ее вздрогнуло, изобразив крайнее удивление. Верхняя губа медленно поползла вверх, открывая ряд белых ровных передних зубов. Она увидела молодого человека в майке. Он сидит за столом. На голове у него одеты наушники, на столе стоит рация с выдвинутой антенной. Правая рука лежит на ключе, отстукивая морзянку.

– «Ничего себе! – удивлению Сенилихе не было предела, – Школьнику понятно, что мобилкой хоть в Африку звони, не хочу, а тут рация – морзянка! Кино, какое-то».

Заметив тень, падающую от головы заглядывающей женщины, он быстро повернулся и сразу узнал в ней любопытную соседку Алеси. Парень молниеносно выскочил из дома, застав врасплох женщину, не давая ей опомниться, зажал ее рот левой рукой, правой заломил руку за спину, втащил в дом:

– Только тихо, а то плохо будет! – сказал он, – Значит так, вы влезли не в свое дело, милая соседка! – удерживая, ее и закрывая ей рот, продолжал говорить насмерть перепуганной Сенилихе, – Теперь вот, что я вам скажу, если вы хотите, чтобы я поймал убийцу охранника, так помогайте мне. С этими словами он отпустил ее. Женщина, переведя дух, уставилась на него огромными от страха глазами.

– Коль вы уже здесь, – продолжал он, – то вы должны знать кто я. Я следовательно, зовите меня товарищ Смирнов. Меня вы больше не должны видеть, кроме того,

запрещаю вам говорить обо мне все, что вы здесь видели, иначе убийца уйдет безнаказанным, и может совершить еще много преступлений.

Перепуганная женщина закивала головой, про себя, подумав:

– «Вот, негодяй, ну погоди, дай только мне живой выбраться, я тебе такое устрою!»

Ее непроизвольно начало трясти от пережитого испуга. Она стояла посреди комнаты с широко расставленными ногами. Возле перепачканных огородной грязью туфель на босу ногу медленно стала образовываться лужица.

Не обращая никакого внимания на конфуз, Смирнов продолжал:

– А теперь слушайте, рассказывайте и распространяйте слухи о деде Кузьме, что мол, у него в голове не все в порядке, что взяли его сторожить в охрану потому, что не нашли больше ни одного гражданского, потому, что все боятся, а он говорит, что даже бывает, иногда спит по ночам, потому, что наряд милиции есть в сторожке и, что видеокамеры дают полную картину осмотра территории. – Он сделал паузу, испытующе глядя на задержанную, затем добавил: – Это мое задание вам. Вы меня поняли?

Промычав что—то себе под нос, она вдруг повторила все слово в слово, сказанное Валерием. Умолкнув, сменив гнев на восхищение, смотрела на молодого парня с нескрываемым любопытством.

– Ну, вот и все, а теперь, чтоб никто не заметил, быстро выходите на улицу и помните, вы меня не видали!

– Все сделаю, товарищ Смирнов, как вы велели!

С этими словами она быстро выскользнула из дома и, немного погодя, убедившись, что на улице нет прохожих, выбежала...

Глава девятая

Зимним, морозным вечером, как всегда, дед Кузьма не спеша пошел на звероферму.

Вечерние сумерки падали на широкий двор, на клетки со зверьками. Когда старик подошел к воротам, его поджидала, как всегда Алеся:

– Я заложила молодняку корм, вы уже посматривайте за ними.

– Хорошо, дочка, иди. Иди спокойно спи.– ответил дед, запирая за Алесей ворота.

По периметру зверофермы были установлены телекамеры наблюдения. Теперь из сторожки можно было наблюдать за всей территорией, стройными рядами клеток и за сетчатой оградой. А если вдруг отключат электричество, то снабженные автономным питанием и приборами ночного видения телекамеры будут обозревать территорию зверофермы без изменений. Сигнал от телекамер поступает на компьютер внешнего обзора, фиксируется записывающим устройством. Одновременно, милицейским нарядом, из двух служащих милиционеров с оружием, осматривается территория с экрана монитора. Такие меры предосторожности были приняты после трагического происшествия. Правительственная комиссия, расследовавшая дело, председателю совхоза объявила строгий выговор с предупреждением. Уголовное дело на председателя заведено не было, поскольку его вины здесь не усматривалось. За долго до происшествия председатель добивался разрешения у областных властей на установку охранной сигнализации и на взятие зверофермы под милицейскую охрану. Но ему отвечали, что это не лагерь с заключенными, а совхозная ферма, что охранять надо более важные объекты, что людей и так нахватает и так далее и тому подобное. И уголовное дело взялось расследовать СБУ. Так и появился вдруг неизвестный никому дед Кузьма. В функции Кузьмы Николаевича Носова входили подмена сотрудников во время установленного графика дежурств. Работа по уборке территории, очистка снега, мелкий ремонт клеток, чистка, вместе с Алесей, клеток и так далее. Кузьма Николаевич с удовольствием принимался каждый раз за новое дело и все» горело» у него в руках.

Уже первые звезды замигали в синей темнеющей выси. Легкий морозный ветерок, задев своими прозрачными крыльями верхушки деревьев, прошуршал в ветвях. Сонная тишина опустилась с пришедшей тьмой на лес, на крыши клеток, убаюкивая ночными шорохами зверьков. Кузьма Николаевич деловито осмотрел клетки, сладко зевая, зашаркал увесистыми валенками по скрипучему снегу к сторожке. Рук его уже потянулась к ручке входной двери, предвкушая, ночные рассказы служивых милиционеров о переделках службы, как до слуха донеслись неторопливые шаги. Он приостановился, замер, вслушиваясь в тишину сумерек, затем повернулся и зашагал к калитке. Из сереющих теней темноты выплыла бородатая фигура лесничего.

– А! Дед Кузьма? Здорово!

– Здорово, Матвей!

– Закурим, что ли? – доставая кiset с крепкой махоркой, проговорил Матвей.

– Ну что же давай.

Неторопливо и как-то по-особому чинно каждый свернул себе самокрутку из обрывков газет и крепчайшего табака, выращенного на огороде Матвеем.

– Тыпусти меня, – попросил вдруг лесник, – а то так неудобно через решетку, покурим поговорим.

Кузьма, отпирая калитку. Спросил:

– Ты -то пропуск взял?! А-то менты, сам понимаешь.

– Взял, взял. Не в клуб на танцы шел.

– А что говорить? Дочь скоро замуж будешь отдавать?

– Это мы еще посмотрим! За сопляка, голо драного Ляса, никогда. Ему восемнадцать вот вот стукнуло, а ей только семнадцать.

– Ну, так что?!

– И ты туда же, смеешься надо мной?

– Да и не думал.

Вошедший во двор зверофермы Матвей, достал зажигалку и, добыв огня, закурил вначале сам, потом Кузьма. И только теперь заметил спираль проводка тянущегося к правому уху деда.

– А это, что? – глядя с нескрываемым удивлением на Кузьму, спросил Матвей.

– Это то? Связь со сторожкой. – Стал объяснять дед, – Ты, наверное, уже успел заметить на столбах фонарей камеры обзора. – Он недоговорил. Так как услышал вызов в наушнике:

– Говорит пост. Кто там у вас, Кузьма Николаевич?

– Это лесничий. Пропуск у него на ферму в порядке, я проверял.

– Хорошо. – Связь прервалась.

Матвей настороженно слушал переговоры, затем спросил:

– Так теперь и мышь прибудная не пролезет незамеченной к кормам?

– Выходит так. – Ответил равнодушно дед и добавил, указывая на зажигалку:

– Антиквариат?

– Немецкая еще, трофейная. Умели, гады делать, да?

– Не знаю. – Ответил неопределенно Кузьма.

– Ты где служил, а? Во время войны?

– Мал был еще. Партизаны приютили. В разведку ходил. Там меня, как шандархнуло в голову с тех пор даже летом мороз по телу ходит, вот и хожу одетым.

– Врешь? Не может такого быть?!

– Ну не чувствую я, понимаешь температуры не чувствую.

– Да, вот оно как бывает.

– Слушай, а ты не боишься, ну тут до тебя...

– А у меня и страху с тех пор нет.

– А я вот струсил бы, вот даже сегодня, проезжал мимо и знаешь страшновато. Говорят, они и зверьков чуть ли не всех потравили.

– Как они? Говорят, все, что он один был.

– Да? – переспросил Матвей, но, переведя разговор на зверьков, старался не говорить о своей оплошности.

– Остался ж молодняк, покажи мне его?

– Сейчас доложу обстановку, чтобы менты не приставали, – объяснил дед Кузьма, доставая из кармана тулупа рацию:

– Пост, я охрана, докладываю, идем к клеткам молодняка. Лесничий осмотрит материал необходимый для ремонта.

– Пост принял. – Ответили в наушник.

Кузьма неторопливо спрятал рацию в карман:

– Ну, пошли, вон они у нас, особо, за двойной оградой. Кузьма достал из кармана ключ и открыл калитку, ведущую в огражденный внутри зверофермы дворик.

– Здесь они, видишь, спят все.

Матвей подошел к клеткам, осмотрел их.

– Так их выходит, еще больше, чем было? – спохватившись своих слов, быстро добавил:

– Мне Алеся раньше показывала.

– А вот у нас рекордсмен, – указывая на клетку, стоявшую в стороне от рядов молодняка, говорил Кузьма, – Это самец с особым серебристым мехом.

Он подошел к клетке и наклонился над ней. Матвей, оглянувшись по сторонам, убедился, что телекамер здесь не было видно, наклонился и достал из—за голенища нож. Спрятав его

за спину, он медленно приблизился к старику. Кузьма выпрямился, подзывая жестом Митрофанова:

– Иди скорей сюда, вот посмотри, какой он красивый, правда, сейчас свет лампочек плохо освещает, а вот днем...

– Боюсь, дедуля, что на том свете ты теперь будешь сторожить.

Лесник быстрым движением направил нож в живот Кузьме. Но с юношеской прытью сторож отскочил в сторону. Лезвие просвистело мимо, уткнулось со всего размаху в сетку клетки. Дальнейшая развязка поединка наступила в считанные секунды. Ударом валенка дед Кузьма выбил нож из руки лесника. Потом, свалив Матвея, уткнул его лицом в снег, а руки скрутил за спиной, прочно и быстро связал их ремешком. После этого он отошел в сторонку и уже молодым голосом, скомандовал охране:

– Капитан Смирнов! Приказываю, задержан опасный преступник!

Немедленно ко мне с носилками.

Вскоре два крепких парня в милицейских куртках охраны унесли на носилках связанного по рукам и ногам хрипевшего в бессильной злобе лесника...

Елена Прекрасная

Глава первая

В воздухе стоял пряный аромат цветов. Легкий июльский ветерок, чуть касаясь, шевелил верхушки высокой и сочной травы, перебирая листики стебельков и от этого, казалось, что травинки шепчутся меж собой о сказочных, сокровенных тайнах, скрытых в их непроходимых дебрях.

Вот бы забраться туда в зелень этих джунглей стать хоть на минутку таким, как трудолюбивый муравей, помочь ему перетащить огромную в три муравьиных роста соринку. Потом взобраться по скользкому, блестящему, словно лакированная жердь, стебельку к роскошному цветку клевера и попить, как пчела, нектар.

– Жу—жу—жу—жу—у—у—ж! – жужжит басовито шмель.

Черный комочек кружится некоторое время над цветком, словно прицеливаясь и, наконец, тяжело садится на розовый бархат бутона. Деловито, с легкостью, перемещая неуклюжее лохматое тело от кулечка к кулечку, он с явным удовольствием смакует сладкий нектар, совершенно игнорируя любопытный взгляд, рассматривающий шмелиный завтрак. Да разве есть время оглядываться по-сторонам, когда рядом столько цветов, давай только поспевай, собирай сочный ароматный нектар. Да разве заметишь среди этого моря благоухающих разноцветными бутонами головок, да разве заметишь, когда глазами мальчишки смотрит само небо. Такие они синие, синие. Или, может, шмелю показалось, что это два василька повернули свои головки под легким дыханием лета.

Русая голова мальчика застыла в поросли разнотравья. Очарованный увиденным таинством природы, он смотрел широко открытыми глазами на нетронутую красоту трав, на снующих, с озабоченной суетливостью, насекомых, жужжащих, шуршащих, стрекочущих в траве. На деревья старого сада и наконец глаза встречаются с небом. Мальчик смотрит в его бездонную синь, лежа на спине. Как хочется взлететь в безбрежный манящий простор, парить в нем, и смотреть, и смотреть с высоты на родное село. На сад, в котором он сейчас лежит. На пасеку. На старинный парк. На свой дом, что стоит вот рядом, стоит перелезть через забор и перейти дорогу.

Солнце подымается все выше и выше. Краски утра постепенно теряют прозрачность, превращаясь в выцветшие тона. День разгорается. На солнце становится жарко, настоящий солнцепек. Жаркий ветерок доносит запахи сосновой смолы. С трудом, оторвавшись от манящей прохлады трав, мальчишка пошел по ворсистой зеленой мякоти в сторону беленьких домиков—ульев, выстроившихся ровными рядами за сетчатой оградой пасеки...

Сквозь стекла, единственного большого, окна на дощатые полы комнаты падает сноп солнечных лучей, очерчивая аккуратный квадрат с шевелящимся в нем тенями листьев. Вплотную к подоконнику приставлен стол, одновременно это и верстак для столярных работ. Пахнет терпким смолистым запахом свежей стружки замешанном на пряном аромате воска, исходящего от рамок, сплошь развешенных на стенах комнатки.

Обстановку подсобки пасечника дополняет печка, выложенная почти до самого потолка. В углу комнаты, напротив окна слева, стоит металлическая бочка с центрифугой внутри. От большой ручки через шестеренчатое зацепление вращение передается на центрифугу.

За столом—верстаком сидит пожилой человек. Он держит в руках толстую книгу и внимательно читает. Сквозь спущенные на нос круглые очки в книгу смотрят карие сосредоточенные глаза из-под нависших седых бровей. Старик внезапно оторвался от чтения, прислушался.

За дверью раздались шаги. Он повернул голову и вопросительно посмотрел на дверь. На пороге появился белокурый мальчишка:

– Здравствуйте деду!

– А, это ты, Валик. Входи, входи. – сказал старик мягким добрым голосом.

– Деду, а пчел пора уже смотреть?

– Пора, пора. Давно уже прошла. Ох—хо—хо. Что же ты раньше делал?

– Да я и так рано пришел. Ах, жаль. – сокрушенно ответил мальчик.

– Ну, ничего. – Хитро заулыбался пасечник.

Он с оханьем тяжело поднялся и направился старческой шаркающей походкой к центрифуге:

– А я тут тебе медку приготовил. – И, кряхтя он достал из бочки рамку с тяжелыми, Полными янтарного меда сотами.

– Бери кружку и набирай скорее воды.

Мед, смешанный с воском сот, таял во рту и был гораздо вкуснее меда, который едят просто ложкой. Валик вынимал изо рта аккуратные жеваные комочки и бросал их в ведро, куда пасечник сбрасывал куски воска, чтобы затем сплавить восковой слиток. Эти слитки он обменивал на восковые заставки в рамках с размеченными на них аккуратными шестигранниками под будущие пчелиные кладовушки—соты. Насытившись медом, Валик отпивал два три глотка воды из тяжелой медной кружки и вновь принимался жевать сочные медовые соты. И так, смакуя, он ел и ел до тех пор, пока старик не останавливал его:

– Анну, покажи живот?

Мальчишка задирает рубашонку, открывая вздутый, как барабан и круглый живот.

– Ого! – нарочито удивленно, внимательно осматривая и ощупывая шершавой ладонью живот. – Так тут уже мед стал выступать!

– «А, может, я объелся и у меня случится заворот кишок?» – с опаской подумал мальчик.

А спросить об этом хитрого пасечника не решался, вместо этого спросил:

– Деду, а, что это у вас за кружка такая?

– Какая, такая?

– Ну, такая вот, вроде и маленькая, а тяжелая. – вертел в руках медную кружку мальчик, – Вот у нас дома и большая, и легкая.

– Ну, так-то ж у вас, а то у нас.

На этом разговор обычно заканчивался. Но, мальчугану хотелось поговорить. Он пытливо всматривался в седые лохматые брови старика, и продолжал:

– А что это вы читаете?

– Что читаю? Э—э, это тебе еще рано знать.

Он закрыл массивный переплет книги и отодвинул толстый том в сторону. Потом поднялся со своего стула, внимательно, рассматривая какие-то линии, начертанные карандашом на подоконнике. Тень от оконной рамы уже совпадала с одной из них. Удовлетворенно крякнув, старик произнес:

– Ну, вот уже пора и домой идти.

Мальчуган обиделся в душе на старика. И что ж он такой неразговорчивый, пугает медом, выступившим на животе. Да—а, видно не любит старик гостей. По дороге домой мальчик приостановился перед забором сада. Воровато осмотрелся по сторонам, затем торопливо задрал рубашонку и внимательно осмотрел живот. Живот лоснился от капелек пота, выступивших по всей его поверхности, и были те капельки так схожи с капельками меда, что палец сам невольно потянулся к липким бусинкам и собрал несколько на кончик пальца. На вкус капельки оказались самыми обыкновенными потниками и были солоновато горьки. Вот если бы за этим занятием заметили его мальчишки, друзья. Навеки покой убежал бы от него. Но их не было рядом, и мальчик продолжал изучать выпуклый живот. Он даже повернулся к солнцу, но все

напрасно, кроме маленьких блесток—капелек пота, меда нигде не было. Значит, пасечник обманул его? Снова досада подступила к горлу предательским комом. Он насупился, заправил рубашонку в штаны, одел на правое плечо шлейку—держалку, чтобы не спадали, перемахнул через забор...

Лето, жаркая пора для сельских тружеников, работающих в поле. Летний день проходит быстро, как одна минута. Для детей, бегающих в детские садики, и школьников, отдыхающих на каникулах, летний день мчится вмиг, сменяя утро на полдень, полдень на вечер. И уже режут стада, возвращаясь с пастбищ, в медных лучах заходящего солнца. Раздаются голосистые призывы матерей, зовущих домой играющих детей.

Вечером, за ужином, Валик спросил у матери:

– Мам, а кто такой пасечник?

Мать Валерина, высокая худая женщина с добрым кротким лицом, недовольно сказала:

– Ты лучше бабушки спроси.

Мальчишка снова насупился:

– «Ну, почему, почему же они не разговаривают со мной по-доброму? Э—эх, вот отец Вали всегда с улыбкой, всегда все рассказывает обо всем на свете».

Но, любопытство взяло верх. И Валик подошел к бабушке, которая в это время возилась у печки. Бабушка повернула к внуку лицо все изрыто глубокими мелкими морщинками с вечно дрожащим подбородком:

– Ты чего вскочил из-за стола? Садись назад, я слышу. – Валик снова уселся за стол, – Я сейчас картошечку с мясом достану.

Бабушка, ловко орудуя печными вилами, извлекла из печки чугунок с жарким.

– Ба—а, а, баб?

– Та слышу, слышу. Чего тебе?

– А кто такой пасечник?

– Так это же Федось Кузьмович, дьячок.

– Б-а—а, а, бабушка, а, что такое, дьячок?

– Это тот, кто в церкви псалмы читает. Вот пойдем со мной пасху святить то и увидишь.

Бабушка Валика была его лучшим другом. Всегда защитой, всегда советчицей – другом. Мать же, занята работой в совхозе, практически не занималась сыном – некогда. И он рос без должной материнской ласки, сам по себе. Отца у Валика не было. Кто такой отец? Его назначение в семье ему неизвестно. Но бессознательное чувство влекло его к чужим отцам. И посещая своих друзей, Валику порой не хотелось уходить домой, такой уверенностью веяло от отца его друга. Такой сыновней атмосферой окружали отца дети, что Валик с сожалением возвращался домой. Он в тайне завидовал соседской девчонке Вале и ее брату Володе. Однажды, он это запомнил на всю жизнь, отец повел детей в магазин. Валик, как бездомная собачонка, увязался за друзьями. Там чего только не было. И ружье, стреляющее пробками, и мячи, и даже самокат. Отец покупал детям игрушки, на выбор. Володя получил ружье и самокат. Валя, мяч и куклу. Валик – ничего.

Глава вторая

У иконостаса поп в длинной рясе до пят стоял спиной к прихожанам и басом нараспев читал молитвенник:

– Отче наш, Иже Еси, на небесах. Да святится имя Твое. Да будет воля твоя...

Церковный хор, из набожных старушек, звонкими голосами подпевал ему. В черном костюме и начищенных до блеска сапогах, облокотившись на узенькую трибуну, стоял лицом к хору Федосий Кузьмович. На его длинном носу сидели круглые очки. Сквозь них он рассматривал тексты библии и тенором пел вместе с хором. В церковном зале многолюдная толпа прихожан, быстро крестилась в паузах хора. И крестное знамение, и хор, и торжественная тишина прихожан, наполняли воображение мальчишки ощущением какого—то таинства. И подавшись всеобщему порыву набожности, он сложил три больших пальца правой руки в» пучку», как учила его бабушка, и с замиранием сердца — крестился. Содеянный жест вызвал трепетное чувство ожидания чуда. Ему казалось, что вот, что—то должно произойти. Хор в это время запел:

– Господи, помилуй, Господи, помилуй. Помилуй, на—а—с...

Но кроме голосов хора, да шуршания одежд, крестящихся ничего необычного, не случилось. Зато бабушка, глядела на внука, со слезами умиления, тепло нежно и ласково.

Валик чувствовал от этого ее взгляда столько уверенности в себе, своих душевных силах, что нет теперь преград в мире, которые ему не преодолеть. Нет черных злых сил, которых ему не одолеть. Валик вздохнул на полную грудь, впитывая в себя атмосферу торжественности и значимости происходящего.

Домой из церкви возвращались весело. Набожные бабушки нахваливали внука, а мальчик чувствовал себя в этот миг не одиноко.

Как—то утром бабушка сказала:

– Ты давно не был в детском садике. Собирайся сегодня пойдем!

– А где мама? – Валик протер кулачками глаза.

– Она в Минске, на сборах.

Так бабушка называла конференцию колхозников, куда была направлена мама Валика. Мальчик не любил ходить в садик. В садике дети часто дразнили его прозвищем» депутат», как сына матери депутата сельского совета Марьяновки. Ему от этого было обидно и неприятно. Он, порой, даже сердился на мать за ее депутатство. У всех матери, как матери, а у него какая-то непохожая на всех. Вечно у нее дела. Везде ей нужно успеть, побывать и на работе, и на сборах, и на ферме, и на выставке. Ну, прямо не человек, а дело. Валику непонятная была добросовестность матери, давно снискавшая ей уважение. Ее любили работники совхоза, односельчане. Зато дети их почти ненавидели ее сына. Валик редко видел маму. Но, случались минуты, когда она появлялась дома и спешила выслушать не сына, а его двоюродную сестру Нюсю. Сестра жаловалась на шалости мальчика. И вместо поцелуев долгожданной мамы, нередко Валику доставался шлепок. Мальчишке становилось обидно за мать, за зловредную сестру, за детей, дразнивших его обидным словом» депутат», и, наконец, за весь мир, за то, что он такой красивый и приветливый допускает существование обид. Мальчишка остро нуждался в друге, задушевном, сильном советчике, который заменил—бы отца. Быть с другом всегда и везде вместе, ощущать его защиту и поддержку, разве это несчастье. Такого друга не было. Одиночество волной захлестывало, подавляло душевные порывы к прекрасному видению мира. Все казалось мрачным, неприветливым, враждебным. Особенно тягостно оно в минуты непонимания его детьми, близкими и родными людьми, и мальчик выдумал себе верных друзей. Так его другом стал перочинный ножик, который помогал ему создавать из срезанных прутиков настоящие» сабли» или» ружья», которыми он сражался со злой крапивой, чувствуя себя в этот миг

сильным и отважным. Цветное стеклышко, синее – синее, в котором мир представал в таких синих красках, как в кино, и птицы, и листья в нем, и трава, и небо, все было синее. А небо днем казалось таким, каким было ночью. Только солнце такое же яркое, как всегда, и смотреть на него так же больно, как и без стеклышка. Еще его другом был петушок. Он гордо вышагивал по двору. Его разноцветный хвост развивался на ветру, привлекая внимание несущек. Петушок здорово умел драться. И хоть Валик побаивался его, но считал петушка своим другом, потому, что он никогда не был смиренным и вечно задибался к нему. Бывало, растопырит крыло, и боком – боком подступает, воинственно кудахчет, как индюк. Валик «саблей» отпугивает забияку, но все напрасно. С диким кудахтаньем петух прыгает на мальчика, бьет его клювом и принуждает спасаться бегством. Валик прячется за массивной дверью деревянного коридора. А петух с видом победителя, вышагивает, чинно поворачивая бока несущкам.

– Ты снова лег? – окликнула бабушка внука. Валик успел уже задремать, лежа на печке и мечтая о своих друзьях:

– Анну слезай, а-то уже девять скоро! – твердила неумолимо бабушка.

Мальчик неохотно слез с печки. Снял длинный сестрин сарафан, служивший ему ночной рубашкой. Одел трусы и выбежал босиком во двор. Там его поджидал петух. Птица, увидев Валика, покосилась глазом, и было пошла в наступление, воинственно переваливаясь с ноги на ногу, как бы, подражая увесистому гусю. Но скрипнула, отворяясь, коридорная дверь и на пороге появилась бабушка. Петух нехотя отступил, делая вид, что собирает зерно, и никакого дела ему нет до мальчишки. Валику ничего не оставалось делать, как плестись следом за ворчащей старушкой. Они вышли на улицу. Дальше дорога их потянулась аллеей столетних лип, остатки старинного помещичьего парка, буйным цветением встретивших внука и бабушку. Неожиданно бабушка остановилась и внимательно осмотрела мальчика:

– Боже ж ты мой, на кого ты похож?! – она всплеснула руками, ухватила крепко внука за плечи и притянула к себе. Валик завертел головой, но бабушка неумолимо стала облизывать его чумазые щеки, смачно сплевывая грязную слюну.» Умыв», таким образом, внука, она повела его к детскому саду. А, мальчику, так не хотелось туда. Не хотелось расставаться со своими друзьями Ножиком, Синим Стёклышкам, и Петухом, их не разрешалось брать с собой. Валик нехотя плелся следом, намеренно отставал от спешащей бабушки.

– Да иди ж скорей! – подгоняла она внука. Валик подбавлял шага, но как только бабушка отворачивалась, уходила чуть вперед, он снова отставал и, наконец, решил-таки спрятаться за ствол раскидистого каштана.

– Ты видишь, убежало! От паршивца! Анну выходи! – бабушка, ворча, таким образом, возвращалась, проходила мимо, а внук выбежал из схованки и насмешливо говорил ей в спину:

– Б—а-а, а кого вы там зовете?!

– Ну, подожди, от скажу воспитательнице тете Оле, она тебя крапивой, крапивой. Вот будешь знать, как измываться над старыми людьми.

Несмотря на уловки внука, в садик они приходили вовремя. На этот раз все же бабушка пожаловалась воспитательнице. Та с готовностью пообещала наказать непослушного мальчишку. А вот как? Над этим теперь ломал голову Валик. Во дворе его встретил гам детских голосов. Игра шла вовсю. Кто лепил бабки в песочнице, кто дрался за совочки для песка. Кто собирал на клумбе, где, кстати, запрещалось это делать, цветы, пока тетя Оля проводила бабушку Валика. Но лишь только она повернулась в сторону детей, все дети с невинным видом игрались. Шалости мгновенно забывались. Гроза – воспитательница с карающим стеблем роскошной крапивы, была лицом уважаемым и страшным для детского восприятия. Валик влился в группку мальчишек, возившихся у деревянных качелей, внешне чем-то напоминающей гигантское пресс-папье. На мальчишку дети не обратили никакого внимания. Двое из них сидели на сидении слева, а трое справа и с удовольствием качались. От неравного веса качели перекосилась и почти не качалась.

– Эй! Давайте я вам Москву покажу! – вдруг предложил Валик.

– А как?! – почти хором закричали мальчишки.

– Очень просто. Давайте я влзу на сидение один, а вы все садитесь напротив и меня поднимет аж до облаков.

– Ура—а! – дружно закричали дети.

Валик взобрался на сидение один все пятеро взобрались напротив и его подняло высоко над двориком детсада, над цветочной клумбой, над детьми.

– Ну, видно Москву? – спрашивал белобрысый мальчишка, с широко открытыми синими глазами.

– Видно! – отвечал Валик.

– Анну, покажи! – все дружно бросились к нему, и “пресс-папье», бросая Валика вниз, перевалилось в его сторону.

– Ну, что вы наделали! Я теперь не вижу ничего.

Но игра потекла уже в новом русле. Про Москву все забыли, принимаясь за игру

«Квач» (в догонялки, кто кого догнал, тот и Квач). За веселыми играми Валик забыл о наказании, но оно поджидало его, грозя неожиданной местью заслушание бабушки.

– Дети! Всем завтракать! – объявила тетя Оля, – Мойте ручки, вытирайте их полотенцем и за стол.

Дети побросали игрушки, весело с криками, пустились наперегонки к умывальникам. Брызгая на одежду воду, они неумело мыли руки и мордашки, кто—то из них умывался первый раз. Вскоре все уже сидели за столом. Валик уселся рядом с Колей. Коля был старше Валика на целый год. Он прощался сегодня с детским садом. Через две недели ему уже в школу. Сидеть рядом со старшим, считалось почетным мероприятием среди малышни. И Валик почувствовал себя старшим, ведь в школу ему идти в следующем году. Он теперь самый сильный после Коли. А пока тарелка супа появилась у старшего. Коля посмотрел в нее. Валик тоже. В супе плавал огромный белый вареный кусок сала.

– «Ему сало досталось, значит мне попадет мясо», – подумалось мальчику. Откуда он знал это, просто сама догадка подсказала, а, может потому, что Валик не любил сала. Так и получилось, в его тарелке оказалось мясо, конечно кусок в половину меньший за кусок сала в тарелке Коли. Сосед жадно косился на суп валика:

– Валик, а? – окликнул его Коля.

– Чего тебе?

– Ты любишь мясо?

– Люблю! – утвердительно ответил Валик.

– Вот смотри, какой большой кусок белого мяса у меня. Хочешь, я его тебе отдам. А ты мне вот этот свой поменьше.

– То ж сало у тебя!

– Нет, это оно побелело, потому, что свежее. Свежее очень вкусное и всегда белое. А твое старое и жесткое. Долг—о жевать будешь.

Валик вспомнил белое свежее приготовленное бабушкой вареное мясо. Потекли слюнки от привкуса аппетитного куска свежатиной, каким потчевала его бабушка.

– Ну, давай!

Коля зачерпнул своей ложкой мясо в тарелке Валика:

– Сначала ты свое давай. – с аппетитом жуя, проговорил он. Затем зачерпнул свое и положил в тарелку друга. Валик взял «мясо» в рот с привкусом воспоминаний свежатины, стал жевать, не распробовал, проглотил. И уже, глотая, почувствовал тошноту от безвкусного куса свиного вареного жира, медленно продвигавшегося по пищеводу. Снова обидно защемило сердце от обмана Коли, считавшемся другом. Валик еле сдерживал слезы. Кушать не хотелось. Кусок жира застрял в горле тошнотворным препятствием. А ведь такой ароматный свежий

горошек, зеленый укропчик и коровье домашнее масло сверху в супе. Любимый суп, теперь казался безвкусным. А тут еще повариха прицепилась:

– Ты что не ешь?! Анну ешь!

Воспользовавшись минутой, когда она отвернулась, Коля схватил тарелку супа Валика и выплеснул под стол, затем быстро поставил порожнюю перед растерявшимся другом. Повариха обошла вокруг длинного стола и вновь приблизилась к ребятам:

– Ну, вот молодец. Добавки дать?

– Нет, я уже не хочу.

– На, вот, пей компот.— она поставила перед Валиком граненый стакан грушевого компота, пахнувшим дымком. Валик в мгновение осушил стакан, таким вкусным показался напиток после порции вареного, отвратительного жира. Казалось, дай ему ведро компота, в тот памятный момент, то половину ведра наверняка выпил бы. Но порции были строго ограниченные.

– Все дети поели? – обозвалась тетя Оля, – Теперь дружно встали и пошли строиться. После завтрака, воспитательница тетя Оля, полная и неповоротливая от своей полноты женщина, выводила детей в дубовую рощу на мягкую бархатную траву. Она расстелила одеяло под толстым узловатым стволом старого дуба, поместила на него свое тучное тело и принялась за каждодневное свое занятие, штопанье чулков.

– Валик! – позвала она с ядовитыми нотками в голосе. – Ты сегодня наказан и гулять не пойдешь. Сиди тут и никуда не отлучайся.

Что может быть страшнее за самое страшное наказание для непоседливого мальчишки, как сидеть возле воспитательницы, когда идет веселая игра прямо тут рядом перед глазами. Лишится игры, в которую он рвется всей душой, а строгость запрета не позволяет отдаться наслаждению, тогда игра становится во сто крат привлекательнее, чем есть на самом деле. И это мир взрослых. Что может быть скучнее этого мира? Неужели взрослые не понимают сердец маленьких людей, ведь запреты в этом его возрасте воспитывают обман и хитрость у маленьких. Так сидя рядом с тетей Олей, философски размышлял Валик. И грустные мысли повергали его в дебри рассуждений о том, что взрослые могут только в разрешении стимулировать к игре ребенка, а запрет лишь ужесточает душу, толкает на преступление.

– Валик! – позвал изнывающего от скуки мальчишку, худенький и щуплый сверстник. Его широко открытые серо-голубые глаза, смотрели простодушно. Улыбка приветливая и добрая сияла, а вздернутый носик, делал все выражение лица безгранично наивным. Он жестаи стал выманывать Валика за собой. Воспитательница в это время, посапывая, уже клевала носом, как —то умудряясь спать сидя, не опираясь спиной. Валик осторожно встал, на цыпочках забежал за дуб.

– Ну, что тебе, Павлик?

– Пошли, поиграем в Квач.

– А як кто расскажет?

– Та не расскажет. – заверил Павлик. Уговаривать Валика долго не пришлось. Он весело побежал навстречу игре мальчишек и девчонок. Навстречу веселому ветру, не слыша голоса воспитательницы. Когда Павлик остановил его, до сознания донеслось:

– Вот я тебе! Ты ж провинился! Анну иди сюда!

И мальчишка, опустив голову, побрел в сторону зовущей тети Оли. Рядом с воспитательницей ехидно улыбался Леня Очколяс. Правую руку воспитательница уже держала за спиной, недобрый знак для Валика. Мальчик приблизился с опаской, наблюдая за этой спрятанной за спиной рукой. Видно, что—то там крайне неприятное для мальчишки, и страшно приятное зрелище ожидает мальчик Леня. Когда же Валик приблизился на расстояние вытянутой руки воспитательницы, то это что—то оказалось жгучей крапивой, которая прошумела в воздухе, опускаясь на щиколотки Валика под дикий хохот Лени Очколяса. Слезы обиды и огор-

чения выступили на лице мальчишки, он тихо заплакал, почесывая вздутые красные бугорки на ногах.

– А, что, получил? – язвил, радостно ухмыляясь Очколяс. Этот мальчик рос в многодетной семье. Он сверстник Валика. Он был самым хрупким маленьким и болезненным мальчиком из всех в детском садике. Тонкие ноги и большой живот, делали его фигуру комичной, затеняя даже кукольные черты лица, а всегда ехидная улыбочка и склонность ябедничать о всех проделках мальчишек, сделали его ябедой. Валику стало обидно несколько на воспитательницу, сколько на ябеду Леню Очколяса, который не только рассказал о самовольной отлучке, но в чем был уверен Валик, даже принес орудие наказания, крапиву. И сейчас, улыбаясь, радовался мукам своей жертвы. Мальчишке хотелось в эти минуты унижения забежать далеко ото всех, забиться, куда-нибудь в темный далекий угол, скрыться и побыть одному. Ему живо вспомнился дом. Петух забияка, от которого он получал удары и совсем не обижался, потому, что петух никогда не был близким другом. Он был другом—врагом и ничего больше. А Леня Очколяс умел быть и тем, и другим. Это сеяло недоверие к Лене, как к другу и не вызывало чувства злобы и желание победить, как врага. Единственное чувство, которое вызывал Леня в воображении Валика, это было чувство жалости, родившееся еще тогда, когда мама рассказала ему, как хлопотала перед администрацией совхоза, чтобы многодетной семье Очколясов, у которых было пятеро детей, построить дом. Как семье рабочего совхоза, погибшего от рук бандитов, объявившихся после амнистии. Она рассказала мальчику, в каких ужасных условиях живут Очколясы. В крохотной избе, крытой соломой, с земляным полом, наспех слепленной, после сожженного дотла добротного дома. Мама рассказала о трудностях молодой женщины, матери Лени, оставшейся одной с детьми.

Совхоз отстроил просторный кирпичный дом Очколясам. Выделил хорошее пособие многодетной семье. И жизнь Лени изменилась, на смену бедности пришел достаток, но врожденная зависть к зажиточным, как ему казалось, детям, породила ненависть и злобу в израненной бедностью душе.

К обеду жжение ужаленных ног утихло и почти уже не беспокоило Валика. Настроение мало-помалу вернулось к нему и уже беззаботно смеясь, он вышагивал в строю детей, подставляя подножки шедшему впереди Пономаренко Коле, толстому и неповоротливому мальчику...

Глава третья

О, время, как стремителен твой бег. Промчался год. Наступила пора прощания с детским садиком. После обеда, в столовой, воспитательница объявила всем детям, достигшим семилетнего возраста, в том числе и Валику, что сегодня они последний день в саду. Что до первого сентября им осталось ровно две недели и, что они уже почти школьники.

А Валика терзали страхи:

– «Как я пойду в школу? – с ужасом думал мальчик, ворочаясь на своей постели, во время мертвого часа, – Я же не умею ни читать, ни писать, не знаю даже букв». И стал вспоминать буквы. Легко вспомнилась буква» А», как два телеграфных столба, сведенных вверху и скрепленных перекладиной. Ее то легче всего запомнить, таких столбов вон, сколько хочешь на совхозных полях. Легко запомнилась и буква» О», похожая на обруч, которым скрепляют бочки для засолки помидоров и огурцов у мамы на работе. Как не старался Валик вспомнить еще хоть одну, хоть какую-нибудь букву, на память не приходило ничего. Он стал ворочаться. Лег на спину посмотрел в потолок, вспомнилась, почему—то бабушка у печки и ее кочерга.

– «Ага, похоже на букву» Г». – подумал он, вороша в памяти приспособления, которыми бабушка ловко орудует, ставя в печку чугульки, разгребают жар. Но больше он не смог вспомнить. Валик повернул русую голову набок, прислушался. В подушке потрескивало, сминалось сено. В спальне раздавалось сопение спящих детей. Прожужжав, пролетела муха. Всюду царит сонная тишина. И вдруг на подушку рядом с русской головкой Валика шлепнулся скомканный зеленый листик липы. Валик поднял голову, пружины предательски заскрипели. Внимательно оглядевшись по-сторонам, все спят:

– «Павлик? Нет непохоже, спит как убитый.» – думал мальчик. Взгляд скользнул по кроваткам в дальнем углу спальни, потом остановился на соседке справа. Но одеяло Коли Пономаренко чуть подымалось в такт посапыванию, мальчик спал. В его открытом рту виднелись два белых зуба, и он всем своим спящим видом напоминал сейчас кролика, мирно спящего на подушке. Валик обернулся направо, посмотрел на койку Лени Очколяса, там, зашуршав, отодвинулся край одеяла и под ним воровато сверкнули бусинками черные глаза.

– «Ах, ты, ябеда! Вот я тебе!» – маленькая ручонка схватилась за край подушки и в одно мгновение мягкий снаряд, описав в воздухе дугу, опустился на укрытого с головой Леню. Одеяло с молниеносной быстротой распахнулось. На Валика уставились широко открытые черные глаза Лени.

– Я тебе дам! – сказала лицо. И в ответ полетела в Валика подушка Лени. Дерущихся остановили торопливые шаги за дверью. Когда тетя Оля вошла в комнату, картина, представшая перед ней, казалась ничем не нарушала сонной атмосферы. Воспитательница озабоченно осмотрела спящих. Когда же ее взгляд остановился на койке Валика, в ее глазах мелькнули недобрые искорки. Мальчик лежал на скомканном одеяле кровати ногами в сторону подушки. Голова же лежала там, где должны лежать ноги. Его закрытые глаза трепыхались веками. Из всех сил стараясь изобразить сон, мальчишка силился не моргать. Однако напрасно, предательские ресницы своим трепыханием портили притворство. Строгая тетя Оля уже и так поняла все. Она тихонько вышла и через мгновение появилась вновь. В руке у нее, покачиваясь длинным стеблем, зажата крапива. Она подошла к» спящему» и принялась волочить крапивой по голому животу мальчика. Ресницы его закрытых глаз отчаянно затрепыхались, но тело лежало неподвижно. Леня Очколяс с умилением наблюдал со своего» укрытия» за происходящим. Ему очень льстило, что крапива, которую он так любовно выбирал и принес, не увядает зря. Вечером, когда бабушка пришла за Валиком, тетя Оля, держала мальчика за руку с чувством выполненного долга, сказала:

– Больше этого драчуна в садик не водите! Посмотрите, что он вытворил с

Очколясом! – она вытащила, из—за спины за руку упирающегося Леню и взору перепуганной бабушки предстало заплаканное лицо с огромным синяком под глазом.

Так окончилось для Валика его дошкольное детство...

Глава четвертая

– Я все равно отомщу! Я вырасту и отомщу за батьку! – говорил сквозь зубы мальчишкам старший брат Лени Очколяса, Вася. Он учился уже в восьмом классе Марьяновской средней школы. Вот и сейчас, сидя за столом, где часто занимались первоклассники Леня и Валик, рассказывал им страшную историю гибели отца. В этой истории был замешан и дьячок Федось Кузьмович.

– Бандиты постучали тогда ночью, – продолжал Вася, – мать и я с сестричкой спали на печке. Отец лежал на кровати и проснулся первым. Я проснулся, когда мать сказала громко: —» Не иди ночью!» – но отец смело возразил ей: —» Если зовут, значит дело важное, а бояться нечего, у меня пистолет».

– Семизарядный? Наган?! – возбужденно переспросил Валик. Но суровое лицо рассказчика нахмурилось еще больше. Валик понял, что перебил не к месту и виновато потупился. Между тем Вася продолжал:

– А уже перед рассветом колокольный звон разбудил все село. То звонил Федось Кузьмович. Горели закрома с совхозным зерном и склады с шкурками соболей. Тетка Одарка говорила мне, что когда она перед самым утром выходила на двор, то видела, как огородами бежал Федось Кузьмович, да так быстро, что ей захотелось спросить, кто за ним гонится? АА потом, когда она уснула, где—то через час послышался звон, то горели закрома с зерном и склады со шкурками приготовленными к аукциону. – Вася сделал паузу, насупился и тихо добавил: – Там горел мой батька!

Леня, всхлипнув, отвернулся от света настольной лампы, утирая кулачками слезы. Массивная дверь комнаты открылась и впустила высокую, и худую женщину.

– О! Чего вы так поздно? Он Валику пора уже спать!

– Сейчас, мама. – ответил ей Вася, – Леня проводи Валика. Леня молча встал, взял с кровати длинное до пят пальто, доставшееся от брата, одел. Валик собрал в портфель учебники, натянул пальто, шапку. Вместе они выбежали на улицу, окунувшись в морозную, лунную январскую ночь.

– Ты не говори никому, что рассказал Вася. – строго наказал Леня, – А-то еще его так, как отца.

– Та не, не бойся! Кто—кто, а я, будь уверен, никому не скажу. – заверил Валик друга. Дома Валика встревожено встретила бабушка:

– А где это ты так долго тынялся, а?!

– Я, баб, учил уроки с Леней. – деловито заметил первоклассник.

– Ну, быстренько раздевайся. Да уже давно спать пора. И он еда остыла, дожидается.

Валик с аппетитом съел борщ и запив кружкой домашнего молока, пошел спальню к маме, там стояла его кровать. Он разделся и лег спать, мать заворочалась в своей постели:

– Ты, почему так поздно?

– Мы учили уроки у Очколяса. Мам почему не поймали тех бандитов, которые Сожгли отца Лени?

– КГБ не нашло никого. Никто не видел. Ведь тогда была ночь. Ну, спи, спи, а-то еще на сниться всякое.

Валику не хотелось спать. Он решил, про себя, раскрыть преступление:

– « Ведь тетка Одарка видела. ...А, может то вправду, Федось Кузьмович?» – думал, засыпая, мальчик. Мысли мало—помалу приобретали туманный смысл. Мягкая истома разлилась по телу, погружая его в плавающее невесомое состояния, Обволакивая водорослями сна...

Учеба в первом классе шла своим чередом. Валик успел уже получить во второй четверти три пятерки по чтению, правописанию и арифметике. Леня тоже не отставал и даже кое в чем преуспел. Он, например, быстрее всех решал задачки по умножению, сложению и делению. Если учесть то, что Валик и Леня часто учили уроки вместе, то и учеба шла у них одинаково. Время летних каникул подошло незаметно, с первыми цветами и распутившимися почками на деревьях. Каштаны за окном школы уже оделись в зеленые большие листья и зацвели белыми соцветиями, выделяющимися то тут—то там, на зеленых копнах крон. Воздух наполнился жужжанием пчел и тончайшими ароматами цветения. Но эти предвестники каникул лишь дополняли слова, сказанные учительницей Ольгой Васильевной:

– Завтра, дети в школу не приходите. Теперь вы будете отдыхать три месяца и только первого сентября придете, уже не в первый, а во второй класс. Запомнили?! Первого сентября!

Первые каникулы. Каким повзрослевшим чувствует себя Валик. С завистью в глазах смотрят на него дети из старшей группы садика, в который он еще в том году бегал. И вот так же завидовал первоклассникам. А теперь он сам первоклассник, да еще на каникулах. В честь окончания первого класса мама купила Валику велосипед, и теперь он разъезжал на нем по аллеям парка, над прудами. Катался по утоптаным тропинкам, тянувшимся лентами в шелковистой траве. И ему было легко и радостно. И хотелось ездить, и ездить. И казалось, что он не связан с землей, что велосипед – это маленький самолет, несущий его по воздуху, над прудами, над бархатом трав, и над деревьями парка. Тропинка, наконец, привела его к совхозному винному погребу. На площадке, возле огромного навеса, стоят бочки. Там, дядя Федор, высокий бондарь, с длинными закрученными кверху усами, в брезентовом халате и с молотком в руках, стучит по обручам разохшихся бочек.

– А—а! Это ты Валик? Анну, прокатись, покажи, как наши ездят!

И Валик, воодушевленный зрителем, стал петлять между бочками. Неожиданно он угодил передним колесом в бочонок. От внезапного удара молниеносно рванулся руль из рук и, потеряв равновесие, ездок шлепнулся во всеобщем грохоте пустых бочек и клепок, лавиной хлынувших на неудачного ездока. До слез обидно чувствовать себя опозоренным. Дядя Федор солидно, сдерживая смех, подошел к юному велосипедисту и деловито пробасил:

– Ну, молодец. А я-то думал, что тут и пройти нельзя, А ты вот проехал. – он поднял велосипед, осмотрел. Потом осторожно прислонил к бочонку, – А ты, ездок, иди-ка к крану, вон туда! – он указал пальцем на бочку с водой и видневшимся над ней концом водопроводной трубы, – И хорошенечко умойся.

Валик, умывшись, вытер лицо чистой тряпицей. Потом несмело спросил:

– А скажите, мед уже есть?

– Ну, как тебе сказать, наверное, есть. Ты вон иди скорей до Федося Кузьмовича.

Вон он сегодня улы проверяет, он найдет. Скажи, что я просил.

Ободренный пожеланием дяди Федора, Валик пустился к деревянному забору пасеки, крикнув на ходу:

– Хорошо, побегу! И если не будет давать, то скажу, что вы сказали, чтоб дал!

– Ну, беги, беги.

Валик, вспомнив про велосипед, вернулся к нему, вскочил и поехал в сторону пасеки. Деревянные жерди ограды хорошо видны впереди. Вскоре он уже перетаскивал через них свой «Орленок». Высокая трава, сочная и нетронутая косой, свалаясь в зеленый мягкий ковер, ступать по прохладе которого, блаженство для босых ног в жаркий летний день. Валик тащил велосипед мимо улыев по этой самой траве, сохранившей еще утреннюю росу. Босые ноги его по щиколотки промокли, на них прилипли стебельки травинки и черные точки семян. Он остановился у навеса приделанного к домику пасечника. Поставил велосипед под

деревянную колонку навеса и постучал в дверь. Валик волновался. Он навиделся с пасечником еще с прошлого лета. Более того, теперь Федось

Кузьмович был в глазах мальчика под подозрением. И не теряя ни секунды, приступит к следствию немедленно, как только переступит порог.

– Входи, входи, Валик. Я уже знаю, что это ты.

– « Откуда он знает? Ага, наверное, видел в окно».

Подозрительный человек есть подозрительный, каждое слово его таит особый смысл и требует особого внимания. И Валик решительно толкнул дверь:

– Здравствуйте!

– Здравствуй сынок – пасечник поднял на мальчика лицо в приветливой улыбке. Он стоял за столом—верстаком, держа в руках рубанок и водил им по установленной ребром доске. От этого, инструмент, шурша, бросался душистой скрученной стружкой. Кудряшки ее падали на дощатый пол, укрывая хромовые сапоги, в которые был обут пасечник. Федось Кузьмович, остругав доску, поднял ее, осмотрел внимательно, затем поставил в угол, где уже были точно такие же. И, взяв веник, смахнул с верстака остатки стружки, и не спеша стал подметать пол. Мальчишка молча наблюдал. Наконец терпению его пришел конец, переступая с ноги на ногу несмело, произнес:

– А у вас мед есть?

– Нет еще, пчелки еще не наносили.

– А—а. А-то я подумал, что есть.

Пасечник же, хитро улыбаясь, достал из центрифуги рамку с темными сотами с заполненными до краев и блестящими на солнце.

– От тут есть немножко, от Зайца отобрал.

У мальчишки заблестели глаза. Он глотнул слюну. Ему хотелось скорее попробовать меда из вкусных сот. Пасечник неторопливо отрезал кусок сочных сот, поставил большую тяжелую кружку с прохладной водой, и мальчик с аппетитом принялся, есть, запивая мед родниковой водой.

– Федось Кузьмович, скажите, почему вы работаете в церкви?

– Сынок, я уже стар, и мне нужно чем-то заниматься.

– А моя бабушка говорит, что вы святой человек.

– Да, а?! Ну, для бабушки, я может и святой, а для тебя самый обыкновенный. Ну, да, Впрочем, когда ты немного подрастешь, я тебе скажу, почему служу в церкви. А пока расти сынок. – и он отрезал еще один кусок сочных сот...

Щедроты Федоса Кузьмовича покорили Валика. Теперь часами он просиживал на пасеке. И нередко пасечник надевал на него защитную сеть, давал в руки» дмухало», дымившее едким дымом, и они шли осматривать пчелиные семьи. Пчелы жужжали вокруг, садились на белый халат пасечника и старенький пиджачок Валика, но не кусались. Мальчик не боялся пчел. Он изучил их повадки, и умело помогал пасечнику доставать из ульев облепленные пчелами рамки, отгоняя» дмухалом» любопытных. Федось Кузьмович по натуре своей, мягкий, добродушный человек, к тому же, весьма образованный. Он много рассказывал о разных дальних странах и путешествиях. О неоткрытых еще и таинственных островах. О пиратах и, что удивительнее всего, ни слова не говорил о Боге. Валик с восхищением думал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.